

устные эпические произведения, такие как «Илиада» и «Одиссея», «Песнь о Гильгамеше», «Песнь о Беовульфе», «Старшая Эдда» или «Калевала» -- умерла. Нет аэдов, бардов, чьи представления обеспечивали культурную связь поколений. Мы не зависим исключительно от коллективной памяти для сохранения знания. И поэзия, поговорки и другие «оральные медиа» больше не служат главной формой общественной коммуникации.

Легенда о профессоре и студенте зародилась в устной форме коммуникации, но ее содержание в большой степени связано с письменной культурой. Появление школ как таковых – воплощение процесса институционализации грамотности, а университет символизирует ее наивысшую форму. Профессор как олицетворение мышления «человека эпохи Гуттенберга» требует, чтобы студенты развивались по книгам, а свои инструкции он требует выполнять *буквально*. Иначе говоря его ригидность, негибкость, отражает фиксированность письменного слова – в противовес гибкости и многообразию, присущих устным традициям. Вдобавок профессор – элитист и относится к ученикам с презрением. Само слово «элита» имеет одинаковые корни со словом «грамотность», показывая разницу между человеком, умеющим читать и писать и тем, кто не разбирает букв. И, конечно, легенда вертится вокруг сдачи экзаменов, где главным образом занимаются писаниной. Именно отказ студента перестать писать оборачивается для него неприятностями.

Триумф студента оказался возможен, потому что все экзаменационные работы – это продукт массового производства, абсолютно идентичные бумаги, что и обеспечило ему анонимность. По сути, это печатные медиа – эту точку зрения мы стремимся пересмотреть, потому что большая часть печатной продукции состоит не из слов или иллюстраций, но их ровных строчек, которые направляют нашу мысль. В своих занятиях я использую лист бумаги с линейками, когда хочу опросить студентов. Я показываю им лист и прошу написать, что они увидели. Некоторые пишут, что это чистый лист бумаги. Тогда я предлагаю им отбросить предубеждения, мыслить шире, быть максимально наблюдательными. Другие говорят, что это расчерченная бумага, иногда замечают цвет линеек. Им я советую меньше опираться на восприятие, а подумать над значением того, что они увидели. В конце концов находится несколько человек, которые говорят, что линейки *напечатаны* на бумаге, а следовательно, это *печатное медиа*. Таким я отвечаю: вы готовы изучать медиа как медиа.

Профессор в нашей легенде не понимал медиа как медиа. Он целиком погружен в письменную культуру и не приемлет альтернатив или просто не может их представить. Студент, с другой стороны, это центральная фигура в устном нарративе и сильно напоминает трикстера из мифов и легенд – героя вроде Койота из преданий американских индейцев или древнегреческого титана Прометея, Локи из скандинавского пантеона. У него с ними много общего (Стрэйт, 1994, 1995, 2008), в то же время он грамотен настолько, чтобы получать высшее образование. И принимая во внимание, что это современная легенда, я думаю, что можно с уверенностью заключить, что наш студент – человек эпохи «постграмотности», которого сформировала среда электронных медиа. Будто компьютерный хакер он переступает за рамки системы, проникает в ее код и подстраивает под себя. Письменная культура, которую провозглашает школа (в широком смысле этого слова) – невидимая среда обитания для ума профессора. А для студента электронной эры очевидна структура этой культуры и ее недостатки.

Городская легенда построена так, что вызывает симпатию к студенту. Конечно, то из нас, кто преподает, могут чувствовать себя неловко, не принимая сторону коллеги-профессора. Но я хочу вам сказать: лучше соотносить себя со студентом. Мы тоже ученики, которым нужно развить в себе способности обнаружить невидимую медийную среду, в которой обитаем. И в то же время мы исследователи, которым нужно разобраться, что же она из себя представляет, и какими эффектами обладает.

Медийная революция

Рассмотрим, наконец, некоторые области исследований, которые появились в ответ на инновации в технологии коммуникации. Алфавит, в силу своей способности делать речь видимой, вызвал расцвет риторики в Античности, равно как и изучение языка и поэтики (можно сказать – грамматики). Алфавит подготовил почву для зарождения

предмета, известного как диалектика или логика в терминологии Аристотеля. Риторика, грамматика и логика, составляющие вместе «тривиум» -- основу университетской программы в средневековом университете, превратились в «свободные искусства», которые сохранились и в наши дни. В XIX веке появление парового печатного пресса и телеграфа вызвали к жизни современную газету и журналистику как учебную дисциплину, в то время как кинематограф привел к рождению теории кино и экранных искусств. Вещательные СМИ в виде радио, а вместе с ними – газеты, журналы, кино заложили основы наук, изучающих массовую коммуникацию. А фотография, запись видео и звука повлияли на изыскания в сфере межличностной и невербальной коммуникации. Звукозаписывающая технология стала инструментом, который открыл для ученых дописьменные культуры – так возникли исследования устных и письменных традиций (Лорд, 1960; Онг, 1982; Парри, 1971). Электричество и устройства, его использующий (особенно в области коммуникации) были неотъемлемой частью развития дисциплин, изучающих влияние технологий (Кэйри, 1989, 1997), теории информации, кибернетики, теории систем (Берталанфи, 1969; Винер, 1950). По большому счету, современная область коммуникации сформировалась после Второй мировой войны, когда телевидение, информационные технологии и цифровые компьютеры шли рука об руку (Шэннон и Уивер, 1949; Винер, 1950).

Именно медиа и технологии всколыхнули интерес к изучению языка и символов, что характерно для конца XIX—начала XX вв., когда появились новые разделы лингвистики и семиотика, семантика и, конечно же, медиаэкология, интеллектуальная традиция, с которой я себя ассоциирую. В этой работе я сделаю акцент на **Маршале МакЛюэне**, но я хочу подчеркнуть, что медиаэкология – это нечто большее, чем «маклюдизм». Ее корни тянутся от исследований, посвященных технологиям, которые проводили Льюис Мамфорд, Жак Элюль и Питер Друкер; изучения устной традиции, письменных систем и печатных медиа, выполненных Эриком Хэйвлоком, Уолтером Онгом, Джэком Гуди и Дени Шман-Бессера, равно как и Люсьеном Февре, Анри-Жаном Мартином и Элизабет Эйнштейн; работ, где предметом исследования стали медиа и культура – здесь стоит упомянуть Гарольда Инниса, Эдварда Т. Холла, Эдмунда Карпендера и Джеймса Кэрри; глубокого анализа символических форм Альфреда Кочыбского, Сюзан Ланджер, Дороти Ли и Нейла Постмана (более развернутый обзор литературы, посвященной медиаэкологии, см. здесь: Стрэйт, 2006; Люм, 2006).

Что есть медиаэкология?

Медиаэкология – это изучение медиа как посредников, что вытекает из знаменитой максимы МакЛюэна (1964) «медиа – это сообщение» (с.7). Этот афоризм стал откровением для индивидуумов вроде профессора МакЛюэна, которые, как и большинство людей, были склонны игнорировать медиатехнологии и обращали внимание только на содержание, контент. Эффект был таким, словно МакЛюэн пытался сказать: «Это же медиа, болваны!» Цель МакЛюэна была в том, чтобы освободить человеческий разум и дух от порабощения со стороны символических систем, медиа и технологий. Это может быть возможным только если начать с призыва уделять внимание медиатехнологиям, потому как они сильнейшим образом воздействуют на человеческие отношения (а вовсе не те послания, которыми мы обмениваемся). Символическая оболочка самая важная, а не контент. Технология – в ней весь смысл, в ее природе, структуре, а не в наших намерениях. Это тот материал, с которым мы работаем, и те методы, которые мы для этого используем...

Конечно, с такой точкой зрения согласны не все. Например, в США существует Национальная ружейная ассоциация, группа, которая противится всем попыткам регулировать оружейные дела. Их слоган «людей убивают не ружья, а другие люди». Если вы не согласны с этим аргументом и верите, что огнестрельное оружие повышает градус жестокости, значит, вы верите в то, что медиа – это сообщение. Эту мысль высказывали всевозможными способами. Взгляните на характерное замечание Генри Торо (1893/1980), связанное со строительством железных дорог: «мы не ездим по дорогам; они ездят по нам» (с.67). То же имел в виду и Марк Твен, когда говорил, что

если в вашей руке молоток, то все вокруг напоминает гвозди (цит. По Истхэму, 1990, с.17).

Медиум это сообщение, потому что контент не может существовать сам по себе. Слова могут приобретать форму речи или письма, например. Или они могут существовать как внутренняя речь, не выходя за пределы нашего разума, оставаясь продуктом нервных импульсов в мозгу. Для них нужна какая-нибудь физическая основа в смысле энергии. И те различные формы, которые слова или контент принимают, определяют, детерминируют их значение и влияние. Слова, которые мы произносим про себя кажутся отличными от тех, которые мы произносим вслух. Слова, которые мы записываем отличаются от устной речи – своим постоянством, отчужденностью и обезличенностью. Если рассуждать в том же ключе, информация не существует в вакууме. Она то несется по воздуху на радиоволнах, то бежит с электричеством по проводам, то застывает на магнитных или оптических носителях. Или мы находим ее в последовательностях химических элементов, которые выстраивают цепочки ДНК и РНК.

Используемые код и форма информации определяют, у кого есть доступ к данным и кто контролирует их распространение, сколько информации будет доставлено, как быстро и насколько далеко ее передадут, насколько долго она будет доступна и в какой форме. В зависимости от того, как изменяются эти переменные, меняется и передаваемое сообщение.

Художники давно поняли тезис «медиум – это сообщение», ведь картина, выполненная в масляных красках или акварелью, или набросок углем с разным эффектом раскрывают одну и ту же тему. Скульпторы тоже знают, что если они вытешут бюст из камня или вырежут его из дерева, или вылепят из глины – то все это сильно скажется на их произведении искусства. И музыканты вам скажут: когда одну и ту же мелодию играют на скрипке, трубе или ксилофоне – это три разных произведения.

Медиа это сообщение еще и потому, что медиа *предшествует* сообщению. Перед тем, как создать готовый продукт нам нужно иметь сырой материал и методы, с помощью которых мы его обрабатываем. Перед тем, как начать кодировать сообщение мы должны иметь собственно код для его конструирования. Речи взрослого человека предшествует детский лепет. Звуки, издаваемые маленькими детьми – всякие «гу-гу», «га-га» и так далее – это элементы *медиа* человеческой речи, но без лингвистического наполнения, контента. Сперва мы учимся различать и издавать фонемы и только потом осваиваем язык на символьном уровне, то есть, слова.

МакЛюэн (1964) также утверждал, что медиум – это сообщение, потому что контент медиа, в какой-то степени, тоже является медиа, но другого порядка. К примеру, медиа речи становится контентом письма, а тот, в свою очередь – печатного слова, которое движется в сторону гипертекста. Джей Дэвид Болтер и Ричард Грусин (1999) определяют этот процесс как *ремедиацию*. Они указывают, что он имел место, когда развитие компьютерной техники и сетей привело к тому, что бумажные документы, книги, журналы и газеты, картины и фотографии, звукозаписи и телефонные разговоры, точно так же, как и радио, кино и телевидение стали контентом для вебсайтов и мультимедиа-продуктов. В то же время, компьютерные дисплеи и интерфейсы это медиа для контента телевидения и кино, более старых форм медиатизированной коммуникации. Когда одно медиа становится контентом другого медиа, оно становится кодом, символической формой или эстетическим стилем, который используется для создания специфических сообщений.

МакЛюэн объяснял свой знаменитый тезис также тем, что пользователь медиа и есть его контент. Он имел в виду, что слушатели, зрители и читатели вынуждены интерпретировать сообщения, которые они получают, обрабатывать поступающие сенсорные данные, формулировать смысл исходя из среды, в которой они существуют – из контекста, и своего внутреннего состояния. Это созвучно таким подходам в исследовании коммуникации, медиа и культуры как reader response theory, теория «использования и удовлетворения», этнографический подход в анализе аудитории и потребителей, исследования процесса декодирования, также мысль МакЛюэна согласуется с современными открытиями в области психологии восприятия и когнитологии. Идея в том, что если смысл сообщения в значительной степени конструируется получателем, в самом конце коммуникативной цепочки, то, соответственно, эффект сообщения ограничен. Следовательно, не сообщение, а именно

медиа оказывает наибольшее влияние на его пользователя и аудиторию. Говоря иначе, контент детерминирован контекстом.

За что ругали "пророка из Торонто"

Критики МакЛюэна увлеклись тем, что в пику ему принялись утверждать будто бы медиум – это не сообщение. Увлеклись настолько, что это превратилось в академическое клише. Конечно, МакЛюэн говорил совсем о другом. Все мы знаем, что медиа и сообщения – это разные категории. Это начальная точка наших рассуждений и отбрасывать МакЛюэна значит просто отступить на шаг назад. Критики склонны думать, что мы имеем дело с математическим уравнением типа «если x – это медиум, а y – сообщение, то $x=y$ ». Но дело в том, что «медиум – это сообщение» не математическая задача, а *метафора*. Это противоречие, оксюморон – Рэй Гоцци Мл. (1999) называет его «оксюметафора». Цель высказывания – привлечь наше внимание к сложным, диалектическим взаимоотношениям между медиа и сообщением.

Критики канадского ученого также посчитали, что он отвергает существование контента в принципе, что определено было бы абсурдом. А он фактически только пытался поставить контент на место и отводил ему второстепенную роль в отношениях с медиа. Каковы бы не были последствия тех сообщений, которые мы посылаем, именно медиа играет ключевую роль в человеческих взаимоотношениях. Технологии формируют каждого из нас поодиночке и массово.

Акцент МакЛюэна на медиаэфектах дал основание приклеить к нему ярлык технологического детерминиста. Критики носились с этим детерминизмом, как с пугалом, и карикатурно преподносили МакЛюэна в виде какого-то кальвиниста от массмедиа, отвергая его доводы с ходу, не рассматривая их всерьез. В конце концов, большинство людей расстраиваются, когда отрицают свободу воли – как в теории, так и на практике. Но ученый никогда не использовал термин «детерминизм» в своих умозаключениях, равно как и не умалял человеческие способности. В своем бестселлере «Медиа – это массаж»^[1], он написал: «неизбежности не существует до тех пор, пока есть желание созерцать то, что происходит» (МакЛюэн и Фиоре, 1967, с.25). Джон Калкин (1967) обобщил позицию МакЛюэна, предлагая транзактный подход к медиа: «мы придаем форму нашим орудиям, а затем они берутся за нас» (с.52).

Свобода воли вовсе не предполагает свободу от ограничений и внешних влияний. Исследователь распространения инноваций **Эверетт Роджерс** (2003) пишет: все инновации имеют последствия, но не все из них желанны. И пока некоторые из них могут напрямую вылиться в развитие новой технологии, другие вызывают лишь косвенные изменения. Наравне с теми изменениями, которые мы можем предвидеть, есть и непредвиденные. Возможно, правда, что изрядная доля того, что мы называем реальностью – социальная конструкция, но не обязательно, это та конструкция, которую мы намеревались возвести. Более того: только интеллектуал, живущий в башне из слоновой кости, может забыть, что конструирования начинается с сырых материалов и инструментов для их обработки. Медиа – это тот инвентарь, с помощью которого мы выстраиваем наши социальные реальности.

Другие критики жалуются, что медиаэкологи вроде **МакЛюэна**, **Хэйблока** и **Онга** впячивают теорию «Большого разрыва», преувеличивая разницу между устной и письменной речью, например. И в самом деле они видят большой разрыв между этими понятиями. Между словом и образом, алфавитом и пиктографическим или идеографическим письмом. Разрыв между глиняными табличками как медиа для письма, и папирусом, пергаментом и бумагой. Огромную разницу между рукописной копией книги и вышедшей из-под печатного станка. Великий разрыв, по их мнению, характерен и для типографий и электронных медиа. А сейчас разрыв проходит между виртуальностью и реальностью. Я могу продолжать этот список, но идея в том, что разрывов очень много и среди них нет «самого большого».

Как мыслят медиаэкологи?

Критики упускают из виду, что медиаэкологи часто работают, вооружившись методом диалектики, используют контрасты для лучшего понимания медиа. Дополнительные примеры можно найти в органических и механических идеологиях у Мамфорда (1934),

«тяжелых» и «легких» предвзятостях медиа, пространства и времени у Инниса (1951), категориях «горячих» и «холодных» медиа у МакЛюэна (1964). Теоретики вроде Дональда Тила (2001) и Даниэля Читрома (1983) описывали метод МакЛюэна как форму диалектики, в то время как Джуди Стэмпис (1995) и Пауль Гроссвилер (1998) проследили параллели между неявной диалектической системой МакЛюэна и четкой диалектикой критической теории. Нужно заметить, что МакЛюэн (2006) отказывался от диалектики в классическом понимании, утверждая, что акцент на логике, который утвердили Сократ, Платон и Аристотель вступил в противоречие с подходом, который превозносит риторику и грамматику – подходом самого МакЛюэна. Но диалектические концепции, которые обсуждают Стэмпис и Гроссвилер близко подходят к идеалу МакЛюэна-грамматиста. В целом, теоретическая база медиаэкологии менее развита, если сравнивать с критической теорией (если вообще можно считать медиаэкологию теорией). Также она более гибкая, незавершенная, и в то же время более конкретная, менее склонная к *категоризации*, как говорил обычно МакЛюэн. В конечном счете, диалектика для медиаэкологов – это не вещь в себе, но, скорее, возможность выстроить экологическую перспективу.

Медиаэкологии используют широкие категории вроде устной, письменной, печатной и электронной культур. В отличие от похожего деления обществ на аграрные, индустриальные и информационные, эта классификация основана на идее, что коммуникация, а не экономика влияет на социум в наибольшей степени. В этом смысле эволюцию речи и языка можно рассмотреть во внутренней связи с происхождением человеческих видов. Развитие систем письма в их разнообразных формах ассоциируется с переходом от родоплеменного строя к тем формам общества, которое традиционно называют цивилизациями – создавшим города в Египте, Месопотамии, Индии, Китае. Замена пергамента бумагой и печатная революция, которую начал Иоганн Гуттенберг, связаны с рывком Европы от средневекового общества к современному укладу. Точно так же электронные и аудиовизуальные медиа, вошедшие в обиход в XIX и XX веках, привели к рождению нового исторического периода – который мы еще не до конца поняли, но уже успели определить как «постмодерн».

Каждый из этих исторических периодов также можно понимать как базовый тип медиасреды: устной, письменной, печатной и электронной. Но медиаэкологи также признают, что каждой общество в конкретный период обладает собственной уникальной медиасредой. Независимо от того, делаем мы акцент на общем или на конкретном, необходимо понимать, что медиа – это *среды* (экосистемы). Распространенное представление медиа – это трубопровод для перекачки информации, что-то, соединяющее две точки. Медиаэкологи долгое время критиковали “транспортную модель”: МакЛ.эн (1995) настаивал, что мы должны заменить транспортировку *трансформацией*, Тони Шварц (1974) – что необходимо использовать концепт “резонанс”. Джеймс Кэри (1989) – что лучше ее словом “*ритуал*”, а Уолтер Онг (1982) предлагал просто использовать понятие “*человеческая коммуникация*”.

Медиа -- это среда

Все эти вариации связаны с экологией, но спорный термин “медиа” также определяется как “субстанция, которая окружает или пронизывает, пролегает между двумя точками, но не как прямая линия между ними, а как круг, очерченный вокруг них”. Например, рыба плавает в медиуме-воде, также как и мы движемся через медиум-воздух. Для бактерий *acidophilus* медиа – это молоко, в котором они и живут и преобразовывают его в йогурт. Мы можем назвать колонию бактерий культурой. Говоря иначе, культуры формируются *внутри* медиа, как объяснял Нейл Постман (2000), а не медиа производят культуры.

Другое словарное определение слова «медиа» -- это «среда обитания» (environment) и понимание медиа в этом смысле ломает представления о них в духе отношений “причина—эффект”. Ведь медиа – это не шар для бильярда, который бьет по другим шарам, производя определенный эффект. Говоря иначе, медиа – не актер, а сцена, на которой агенты играют свои роли. Как среды, медиа не определяются нашими действиями, но определяют диапазон действий, которые мы можем предпринять, упрощая выполнение одних, и усложняя другие.

Медиа функционируют как среды, экосистемы. Контент – это то, что происходит внутри системы и может либо повлиять на нее, либо нет. Технологическая новация – это изменение, которое происходит с самой системой и имеет значительные и далекоидущие последствия. И с точки зрения системного подхода мы понимаем, что медиа не вызывают линейно определенные эффекты, но определенные формы коммуникации, сознания и культуры появляются из определенных медиасред.

В то время как МакЛюэн представлял медиа как среду, наиболее популярная его идея связана с представлением о технологиях, как о внешних расширениях человеческого тела и его способностей. Но эти две концепции различаются лишь расстановкой акцентов, но не в своей сути. Расширяя наши способности, технологии отделяют нас от естественной среды обитания, *заменяя* ее. Техника защищает нас, отгораживает от старой среды, но наши тела и разумы немеют и впадают в оцепенение, вот почему МакЛюэн говорил, что каждое расширение – это и ампутация. Или, как писал Макс Фриш (1959) в своем романе “Человек умелый”: “технология – это искусство, которое позволяет никогда не ощущать реальный мир” (с.178). Но отгораживание от мира также прививает нам чувство порядка и дает определенную степень контроля. Никлас Луман (1989, 1995) подчеркивает важность закрытия системы от хаоса, который ее окружает – так как это позволяет ей организовать себя и сохранить структуру. Можно сказать, что медиа – это мембрана.

Не секрет, что я использую множество метафор из области биологии, описывая медиа и технологии, но вас может удивить, что некоторые исследователи медиаэкологии считают, что это больше чем просто метафоры. Льюис Мамфорд (1952) утверждает, что техника – не уникальное достижение человека. В частности, он пишет о бобровых запрудах, птичьих гнездах, муравейниках и пчелиных ульях как о наиболее искусных и продуманных технологических конструкциях царства животных. Технология – это не только расширение человека, но и природы. Все живые существа адаптируются к среде, чтобы выжить и они также преобразовывают среду обитания, чтобы повысить свои шансы. Склонность преобразовать среду – это технический императив, который характерен как для нас с вами, так и для вирусов и бактерий.

Технология естественна и вот почему речь человека является медиа. Истинно, чир мы рождаемся с генетической предрасположенностью к использованию языка, которая проявляется, когда мы общаемся с другими людьми. Склонность к использованию орудий труда также задана генами – это инстинкт, который присущ и другим существам. Это особенность, которую естественный отбор стремился сохранить в нас, точно так же, как человек, в ходе своей эволюции, стремился сохранить язык.

Человеческое тело – наш первичный медиум, вот почему Мамфорд (1967) заявлял, что первые машины были сделаны из плоти и крови и появились еще в ранней античности. Мамфорд называл их невидимыми машинами, потому что они имели в своей основе человеческий ресурс, который применялся в инженерных, архитектурных, военных целях. Строительство пирамид, храмов и дворцов, ирригационных систем и каналов, равно как и создание империй – все это достигалось за счет работы “невидимых машин”. Сложная координация их действий оказалась возможной после изобретения письменности как медиа для организационной коммуникации. В конце концов, ненадежные человеческие части первой мегамшины были заменены на более эффективные неорганические компоненты – появились машины в современном понимании. Но важно понимать, что сегодня, как и в прошлом, “человеческая техника”, организации, институты – это технологии, сравнимые с орудиями труда, машинами и компьютерами.

Технология оттесняет человека

Однако сегодня – и в этом главное отличие от того, что было раньше – мы оттеснены обилием технологий и неуверенны в том, что же породит наша электронная медиасреда. МакЛюэн (1951) вдохновлялся рассказом Эдгара Аллана По «Низвержение в Мальстрём», в котором моряк, терпящий кораблекрушение, попадает в водоворот, но у него получается выжить: моряк находит путь, скрытый внутри вихря.

Водоворот – это наша медиасреда и сегодня единственный путь из его жерла – синтез или распознавание паттернов. Нам нельзя спастись, полагаясь на линейную,

традиционную логику и мышление типа «причина—эффект». Нам нужно диалектическое и экологическое мышление, которое даст нам возможность проходить через сложные системы, балансируя на крае хаоса.

Думаю, что в этом месте вы ожидаете от меня идей, как же нам этого достичь. Я должен признаться, что это выше моего понимания и единственное, что я могу сделать – поделиться с вами некоторыми предварительными соображениями. В противовес печатным медиа, которые поддерживают чувство дистанции между читателем и автором, электронные медиа, благодаря скорости распространения сигнала и аудиовизуальной форме, объединяют нас. В то же время, они разительно отличаются от живого общения тем, что делают его опосредованным. Мы вместе и на расстоянии в одно и то же время. Следовательно, мы требуем вовлеченности друг от друга и избегаем этих требований. Мы ожидаем, что каждый из нас будет вести себя ответственно, но отказываемся делать так сами. Мы ищем близость и глубину, но скользим по поверхности. Синтез состояний “вместе” и “врозь” – это постоянное чувство связи. Например, точно так же сотовый телефон делает нас доступными в любое время, даря постоянное чувство перемещения, точно так же как мобильный может прервать и нарушить положение вещей и навязать нам новый набор условий.

Существа в равной мере индивидуалистичные и общественные, мы одновременно вместе и порознь. Мы создаем проект самих себя через интернет, создаем свои альтер эго, электронных двойников, отражения. Кеннет Герден (1991) объясняет как, через умножение медиатизированных взаимодействий, мы увеличиваем количество ролей, которые играем, число “я”, которые мы примеряем. Мы придумываем никнеймы, создаем аватарки, что приводит к диффузии личности. Мы оставляем следы нашей личности, умножая свои “я” до уровня, беспрецедентного в мировой истории. Мы можем встретить свое прошлое “я” онлайн или сохраненное в виде данных, далее расщепляя наш образ самих себя. Возможно даже, что мы обнаружим когда-нибудь, что наши личности похитили, а это и впрямь чревато чудовищными последствиями для нашей индивидуальности.

МакЛюэн (1995) предлагает, что потеря личности приводит к насилию, не как к результату фрустрации, а в качестве попытки сформировать новую индивидуальность. Терроризм может в своей сути быть ответом на размытие личности, которое происходит, когда электронная медиасреда впитывает в себя первичные устные культуры. Но к чему приведет умножение личностей – к усилению агрессивных тенденций, или наоборот? Испытываем ли мы постоянные проблемы расстройств «мультиплицированной личности»? Или мы со временем придем к соглашению с легионом наших «я», создадим новый синтез, новый объединенный разум, новую форму сознания?

Медиа трансформируют мир и государства

Наши сообщества также объединяются и разваливаются на части. МакЛюэн (1962) придумал термин «глобальная деревня», другой пример его диалектического мышления: если земной шар это самая большая социальная общность, которую можно вообразить, то деревня или племя – наименьшая. Он утверждал, что всемирная деревня, эта новая форма социальной организации, вырастает из медиасреды, которую создают электронные массмедиа. Старая среда, ставшая следствием доминирования печатного станка, привела к рождению национализма и возникновению национального государства, как единственной легитимной формы организации социума. Так произошло отчасти потому, что печатные медиа сделали возможным координацию управления через публикацию сводов законов и унификацию бюрократических форм. Они способствовали созданию однородных культур – через создание литературы и учреждение единых подходов в образовании. В электронную эру мы видим, что нации приходят к созданию глобальных сообществ вроде ООН или Евросоюза. Но мы также видим, что государства рушатся – бывший Советский блок, развивающиеся страны и, что особенно для нас досадно, Ирак. Но разрушительные тенденции есть и в стабильных западных странах – Бельгии, Испании, Великобритании.

Национальное государство находится в опасности – она исходит как от правительств, так и с самого низа, а не от отдельных политических блоков. Нам давно известен революционный потенциал многонационального капитализма. И мы теперь знаем об ужасающих способностях террористических сетей, таких как Аль-Каида. Виртуальный трибунал подрывает социальную стабильность – независимо от того, доброкачественную он принимает форму или нет. Я ожидаю, что ООН появится в этой сумятице не как застрельщик глобализации, но как консервативная сила, которая защищает национальные государства от этих опасностей. В конце концов, мы рискуем оказаться в мире, где можно принадлежать сразу к нескольким сообществам, а сила и статус измеряются количеством ассоциаций, в которых мы состоим или гражданств, которые имеем.

Думаю, для вас не секрет, что и город также подвергается опасности со времен Второй мировой войны. На Лондон, Дрезден, Хиросиму и Нью-Йорк смерть обрушилась с неба. Самолет и ракета стали для них тем, чем мушкеты и пушки для рыцарей, облаченных в латы. В свое время концентрация популяций в городских центрах служила функциям взаимной защиты, но сейчас она делает нас уязвимой к атакам. Важно понимать, что город – одна из самых важных и могущественных технологий, когда-либо придуманных людьми. Город был первым суперкомпьютером, первым медиа для сбора, хранения и распространения информации в масштабе, который выходит за рамки человеческого опыта. И подобно электронному компьютеру, город-машина не мог существовать без специального, искусственно созданного языка, призванного создавать программы действий и обрабатывать данные. Этим искусственным языком стало письмо. Но электронные медиа были беспощадны к грамотности и развитие цифровых компьютеров после Второй мировой обрело урбанистический компьютер на умирание. Это не значит, что город исчезнет. У меня нет никакого желания уезжать из Нью-Йорка, даже не смотря на все то, что я сказал выше. Но будущее принадлежит новым формам социальной жизни, новым медиа и коммуникациям, хочу я быть их частью или нет.

В конце своей статьи хочу сказать, что я боюсь – а отличаюсь ли я чем-нибудь от того профессора из городской легенды, который принимает экзамен? У меня есть свои привычки, ожидания и один из таких студентов, о котором я говорил вначале, может застать меня врасплох. Потому что за ним – будущее, а за профессором – прошлое. Но я могу воспринять таких студентов вступить с ними в диалог. Я верю, что мы можем мыслить диалектически, что в силах создать новый синтез, что, как и студент из той истории, мы сумеем выбраться из оков системы, чтобы понять медийную среду, но останемся при этом профессорами, учеными – найдем дисциплину, чтобы систематизировать это знание и передать его остальным. И, может быть, тогда мы сможем выплыть из водоворота МакЛюэна.

Использованная литература

- Bertalanffy, L. v. (1969). *General system theory: Foundations, development, applications*. New York: G. Braziller.
- Bolter, J. D., & Grusin, R. (1999). *Remediation: Understanding new media*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Brunvand, J. H. (1986). *The Mexican pet*. New York: W. W. Norton.
- Carey, J. W. (1989). *Communication as culture: Essays on media and society*. Boston: Unwin Hyman. ---. (1997). *James Carey: A critical reader* (E. S. Munson & C. A. Warren, Eds.). Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Culkin, J. (1967). Each culture develops its own sense ratio to meet the demands of its environment. In G. Stearn (Ed.). *McLuhan: Hot and cool* (pp. 49-57). New York: New American Library.
- Czitrom, D. J. (1983). *Media and the American mind: From Morse to McLuhan*. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press.
- Eastham, S. (1990). *The media matrix: Deepening the context of communication studies*. Lanham, MD: University Press of America.
- Frisch, M. (1959). *Homo faber: A report* (M. Bullock, Trans.). San Diego: Harcourt Brace Jovanovich.
- Gergen, K. J. (1991). *The saturated self: Dilemmas of identity in contemporary life*. New York: Basic Books.
- Gozzi, R. Jr. (1999). *The power of metaphor in the age of electronic media*. Cresskill, NJ: Hampton Press.
- Grosswiler, P. (1998). *Method is the message: Rethinking McLuhan through critical theory*. Montreal: Black Rose Books.
- Innis, H. A. (1951). *The bias of communication*. Toronto: University of Toronto Press.
- Lord, A. B. (1960). *The singer of tales*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

- Luhmann, N. (1989). *Ecological communication* (J. Bednarz, Jr., Trans.). Chicago: University of Chicago Press.
- . (1995). *Social systems* (J. Bednarz, Jr. with D. Baecker, Trans.). Stanford: Stanford University Press.
- Lum, C. M. K. (Ed.). (2006). *Perspectives on culture, technology, and communication: The media ecology tradition*. Cresskill, NJ: Hampton Press.
- McLuhan, M. (1951). *The mechanical bride: Folklore of industrial man*. New York: Vanguard.
- . (1962). *The Gutenberg galaxy: The making of typographic man*. Toronto: University of Toronto Press.
- . (1964). *Understanding media: The extensions of man*. New York: McGraw-Hill.
- McLuhan, M. (1995). *Essential McLuhan* (E. McLuhan & F. Zingrone, Eds.). New York: Basic Books.
- . (2006). *The classical trivium: The place of Thomas Nashe in the learning of his time*. Corte Madera, CA: Gingko Press.
- McLuhan, M., & Fiore, Q. (1967). *The medium is the message: An inventory of effects*. Corte Madera, CA: Gingko Press.
- Mumford, L. (1934). *Technics and civilization*. New York: Harcourt Brace. ---. (1952). *Art and technics*. New York: Columbia University Press. ---. (1967). *The myth of the machine: I. Technics and human development*. New York: Harcourt Brace and World.
- Ong, W. J. (1982). *Orality and literacy: The technologizing of the word*. London: Routledge.
- Parry, M. (1971). *The making of Homeric verse: The collected papers of Milman Parry* (A. Parry, Ed.). Oxford: Clarendon Press.
- Postman, N. (2000). The humanism of media ecology. *Proceedings of the Media Ecology Association 1* (pp. 10–16). Available online here.
- Rogers, E. M. (2003). *Diffusion of innovations* (5th ed.). New York: The Free Press.
- Schwartz, T. (1974). *The responsive chord*. Garden City, NY: Anchor Books.
- Shannon, C. E., & Weaver, W. (1949). *The mathematical theory of communication*. Urbana: University of Illinois Press.
- Stamps, J. (1995). *Unthinking modernity: Innis, McLuhan, and the Frankfurt School*. Montreal & Kingston: McGill-Queen's University Press.
- Strate, L. (1994). Heroes: A communication perspective. In S. Drucker & R. Cathcart (Eds.). *American Heroes in a Media Age* (pp. 15–23). Cresskill, NJ: Hampton Press. ---. (1995). The faces of a thousand heroes: The impact of visual communication technologies on the culture hero. *The New Jersey Journal of Communication* 3(1), pp. 26–39.
- . (2006). *Echoes and reflections: On media ecology as a field of study*. Cresskill, NJ: Hampton Press.
- . (2008). Heroes and/as Communication. In S. Drucker & G. Gumpert (Eds.). *Heroes in a global world* (pp. 19–46). Cresskill, NJ: Hampton Press.
- Theall, D. F. (2001). *The virtual Marshall McLuhan*. Montreal & Kingston: McGill-Queen's University Press.
- Thoreau, H. D. (1980). *Walden or, Life in the woods and On the duty of civil disobedience*. New York: Signet. (Original work published 1893).
- Wiener, N. (1950). *The human use of human beings: Cybernetics and society*. Boston: Houghton Mifflin.